

Твардовский А.Т.

Собрание сочинений

Том 5

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Статьи и заметки

Речи и выступления

Памяти ушедших

АРКАДИЙ КУЛЕШОВ

ПОЭМА «ЗНАМЯ БРИГАДЫ»

Зимой 1942 года в одной московской квартире собрался дружеский кружок писателей послушать белорусского поэта Аркадия Кулешова, прибывшего с фронта с новой поэмой в полевой сумке.

Первоначальное знакомство с этой вещью — одно из самых ярких и дорогих для меня литературных воспоминаний военного времени.

Як ад роднай галіінкі
дубовы лісток адарваны,
Родный Мінск я пакінуў,
нямецкай бамбежкаю гнаны...

Это были первые строки поэмы «Знамя бригады», ныне переведенной М. Исаковским на русский язык и получившей уже широкое признание.

Покамест он не начал читать, я, как и другие товарищи, по собственному опыту знавшие трудности фронтовых условий работы, просто дивился тому, как в этих условиях человек нашел время и силы написать такую большую вещь, которая к тому же не могла даже идти в зачет его работы в газете, так как была написана на белорусском языке. Но с первых же глав поэмы, прочитанных автором, стало ясно, что он просто не мог не написать ее. Это было слово, которое не ждет особых внешних условий, чтобы явиться из сердца поэта, а даже скорее всего и естественнее может явиться тогда именно, когда трудно.

И чем дальше читал Кулешов, тем все чаще мы просили повторить отдельные места и порывались заглянуть в рукопись своим глазом, еще раз убедиться, что они есть на самом деле, эти за душу берущие, простые и полные большой новизны и силы слова и строки. И самое начало поэмы — почти перефразировка лермонтовских строчек — приобрело в сочетании со всем остальным убедительную законченность и свежесть, утратив оттенок литературной зависимости.

Большинство из нас, слушателей, по своей переводческой практике достаточно знали белорусский язык, чтобы в полную меру на слух воспринимать поэтическое произведение. И, пожалуй, для всех, кто впервые познакомился с этой поэмой в оригинале, и поныне она продолжает жить на своем родном языке, хотя уже давно существует прекрасный, очень бережливый перевод Исаковского, которым я буду пользоваться в этой статье при всех цитатах.

В самом общем смысле поэма эта была голосом сердца, полного боли за родную белорусскую землю, плачем по ней, и горячей светлой веры в ее силы к борьбе, в ее освобождение. И голос этот прозвучал

еще тогда, когда не только вся Белоруссия находилась под игмом немецко-фашистских захватчиков, но и много русской земли на восток от нее.

Сюжет поэмы несложен и очень характерен для первого периода войны, периода тяжелых отступательных боев Красной Армии с превосходящими войсками противника.

Боец-белорус Алесь Рыбка, от лица которого ведется повествование, вместе с другим бойцом, Никитой Ворчиком, выносят знамя бригады, окруженной и разбитой немцами. На руках у бойцов раненый комиссар бригады. Долгим и трудным путем они пробираются к фронту и через фронт, к своим, как святыню оберегая знамя — символ возрождения воинской части для борьбы и победы.

Скорбные картины жизни оставшегося за фронтом края, детали потрясенного войной быта, выход из окружения — все это, как и многое другое, было тогда как предмет поэтического изображения совсем внове и воспринималось с особенной живостью. Но дело здесь не в одной новизне материала, а в том особом чувстве, которое вообще приходит, когда черты близкой нам действительности мы видим правдиво преображенными средствами поэтического слова. Известно, что как бы ни была тяжела и горька сама по себе эта действительность, мы, видя ее вдруг схваченной и закрепленной в формах искусства, испытываем удовлетворение, даже радость, какую приносит всякое познание.

Попробуем, как это ни трудно, рассказать вкратце содержание поэмы своими словами и тем самым хоть частично коснуться ее собственно поэтической ткани, ее формы. Конечно, нельзя говорить о ней, не прибегая к ее стиху, очень своеобразному и емкому, с одинаковой силой несущему и неторопливо-повествовательную интонацию, и народно-поговорочный оборот, и беллетристически свободный, отчетливый диалог. И трудно уберечься от цитирования целых страниц и глав. Все это необходимые в таких случаях оговорки, но существенное содержание любой, даже самой своеобразной по форме поэтической вещи рассказать можно. Более того, самое это свойство вещи быть пересказанной словами обычной речи — есть едва ли не первый признак ее поэтической сущности и подлинности.

Герой поэмы покидает свой город Минск уже после того, как его семья, гонимая войной, ушла в деревню, в родные места Алеся Рыбки, по которым ему потом придется проходить, выбираясь из окружения со знаменем бригады, зашитым в солдатском ватнике. Рыбка прощается со своим домом:

Что сказали мне вещи,
Когда я задумал уйти.

Эти две строчки, данные в тексте разрядкой, как и в других подобных случаях, служат в композиции поэмы как бы заголовком следующего за ними отрывка. Выписанные последовательно, эти двустихиязаголовки представили бы нечто вроде поэтического конспекта всего произведения.

В неожиданно сказочной, условно-лирической форме, родственной народно-песенным приемам речи, идет разговор с вещами покидаемого жилья.

Ложки, миски, книги, игрушечный конь на колесиках — вещи, оставленные хозяйкой, спешившей спасти своих малышей, просят хозяина взять их с собою, хотят служить ему ту же добрую службу, что и до войны, и символизируют память мирной жизни, радость и сладость ее... Кукла просится в дорогу, говоря, что не доставит хозяину больших хлопот:

Тяжко детям идти,
Утомляет дорога большая,
Я ж пойду куда хочешь с тобою, —
Ведь я неживая.
Просят малые есть либо пить,
Пыль сухая им рот забивает,
Я ж не буду просить, —

Я ведь кукла, ведь я неживая.
Самолеты с чужой стороны
Налетают, детей убивая,
Мне ж они не страшны,
Не опасны, — ведь я неживая...

Это первый мотив поэтического плача о родной земле, о семье и доме, о детях — самом дорогом в нашей жизни, на чью долю в войне приходится столько невыразимых по своей бессмысленности, жестоких мук. С этого в избранной им форме поэт начинает свое проклятие войне, ее вдохновителям и зачинщикам. С этим же мотивом он подойдет и к завершению поэмы в эпизоде встречи солдата в окружении с мальчиком-беженцем, которому воин-скиталец отдает последнюю кроху хлеба из своего НЗ.

Вряд ли можно указать в нашей литературе этих лет на более сильно сказанные слова о детях, о горькой боли отцовских и материнских сердец в суровую годину войны!..

Новое двестишье-заголовок предваряет картину разрушений, причиненных городу первыми налетами немецкой авиации:

Чем меня моя улица встретила,
Что на улице происходило.

За этой улицей поэт закрепляет в стихе ее название Ново-Московской, за подъездом своего родного дома — номер девятый. Все это дорого, потому что со всем этим нужно проститься и потому что все это уже зияет увечьями, нанесенными огнем и взрывной силой вражеских бомб...

В июле 1944 года, в первые часы по освобождении Минска нашими войсками, я пробирался меж новых и старых, трехлетней давности, развалин-пожарищ города, и мне приходили на память строки кулешовской поэмы об улице, которая «...стала... как в минуты обвала среди горных ущелий дорога...», и та клятва, что произносил Алесь Рыбка, покидая некогда этот город, уходя на восток:

Я тебе обещаю,
Родным пепелищем клянусь,
Что с дороги нигде не собьюсь.
Я вернусь. Я вернусь.

Но до исполнения этой клятвы поэт не доводит свое повествование. Оно посвящено событиям первого лета войны, самым печальным ее сторонам, и это оправдано не только временем написания поэмы.

Духовная сила народа способна поэтически сказать не только и, может быть, даже не столько в песне торжества и победы, но и в песне горя и скорбного гнева, в котором — бессмертие и непобедимость народа.

И мы следуем за событиями, о которых говорит эта горькая и мужественная песня о воинском знамени, не испытывая ущербного чувства от того, что в ней недостает победного этапа войны — нашего наступления. Эти события мы угадываем и видим в том, что им предшествует.

Алесь Рыбка сражается в рядах бригады, стоящей насмерть на своем рубеже. Наступает момент, когда «надо знамя спасать, не оставить его на глумлень», и Алесь вместе с наводчиком, последним из перебитого расчета искореженной немецким снарядом пушки, захватив знамя, выносит из боя на шинели своего раненого комиссара. Этот момент с его тоской смертельной опасности, тревогой за целостность знамени и жизнь комиссара, с памятным герою на всю жизнь ощущением росного утра, прохладной стежки в конопле, дан сжато и выразительно. Бойцы выходят к ручью. Дорога забита

немцами, вспаханное поле не сулит спасения. И вот строки, которые сродни устно-поэтической народной форме заклинания или заговора при их современной интонационной окраске:

Что ж, ручей, выручай,
Уведи нас далеко-далеко
И кустами плотней закрывай
От немецкого ока.
Мы несем комиссара, и ты
Сделай так, чтоб он выжил,
Чтобы чаще стояли кусты,
Чтоб росли они гуще и выше.
Помоги нам его донести,
Поспособствуй, где можно;
Встретишь вражеский пост на пути —
Обогни осторожно.

И тотчас за этим заклинанием — беллетристически точные описательные строчки:

Точит камешки, роет пески
Неумолчно ручей беззаботный.
Тихо хлюпают сапоги
По воде по холодной.

Так разнообразны и гибки голосовые средства поэта, всякий раз соответствующие предмету и характеру повествования.

Ручей приводит бойцов с их ношей в глубь леса, к избе лесника, где их встречают с радушием и лаской.

Сторожка, лесник, лесничиха — все это настолько традиционно-обязательный мотив обстановки в белорусской поэзии, что Кулешова можно было бы даже упрекнуть в этом, не будь глава написана с покоряющим блеском и свежестью.

От внимания гостей, например, не уходит то, что под застрехой у хозяина восемь исправных кос.

Мы с хозяином косим,
Но об этом не спросим...
Потому что, придут ли с войны
Лесниковы сыны,
Мы не знаем
И тревожить его не желаем.

Это сообщает особый оттенок отношений лесника с лесничихой к судьбе нашедших у них приют воинов, и об этом сказано экономно, исподволь, опять же в духе народно-песенной образности.

А ответная скромность хозяина, которой он платит своим гостям, выражена в поэме с оттенком горестной и мужественной иронии, тем же стихом, но уже без всякой условно-поэтической иносказательности и так верно и метко в отношении времени, особых обстоятельств встречи советских людей разного общественного положения.

Видит наши мозоли лесник,
Лица в каплях обильного пота,

И уж знает старик:
Мы от сельской отвыкли работы.
Как мы жили и где
И посты занимали какие, —
Он об этих не спросит делах,
Ждать не станет ответа, —
Знает так, что на прежних местах
Нас теперь уже нету.

И, наконец, строки о прощанье со стариками, собравшими Алеся и его товарищей в путь «от заводи тихой» с той же родительской тревогой и участием, с какими, должно быть, провожали на войну сыновей...

Всех подряд обняла нас Прасковья,
И губы ее задрожали.
— Как родимых сынов, я,
Товарищи, вас провожаю...

С этой страницы одна за другой идут картины трудного пути на восток по горестно притихшей, печальной земле родного края, отрезанного от большой Советской родины линией далекого фронта. И каждая из этих картин и встреч рождает в сердце читателя то скорбное и гневное, то щемяще-горестное, но всегда не малое, не случайное чувство. Автор как бы и не заботится вовсе об этом, он ведет свой рассказ с почти простодушной мнимой незатейливостью, включая в него по ходу событий и времени то эпизод, то простое наблюдение, то песню либо легенду, то свой собственный лирический возглас. Но как важно для него все, что он видит и слышит по пути, как он зорок и чуток ко всему существенному в жизни родной стороны, какая большая за всем этим мысль, — тревожная, любовная, горячая, страстная мысль о родине, о суровой судьбе, выпавшей на ее долю.

Словами как будто древнего женского голошенья говорит он о жите, по которому прошла жестокая стопа современной войны:

Ой, скосили его пулеметы,
Под корень скосили!
Сапогами немецкой работы
Его молотили.
Танки, сталью покрытые,
Жито мололи.
Вражьи кони копытами
Хлеб замесили на поле.
Тесто кровью враги поливали,
В самом пекле пекли-выпекали.
И лежит, словно камень,
Хлеб немецких пекарен.

Только настоящему поэтическому таланту под силу, пользуясь такой подробной метафоричностью, удержаться от дешевой формальной игры приемом и остаться в пределах меры, подсказанной искренним лирическим чувством.

С легкостью, которой автор обязан очень удачно избранному и разработанному стиху (лишь изредка несколько ослабевающему и вялому), переходит он от этого стилизованного плача о потоптанном жите, символизирующем гибельность вражеского нашествия, к эпизоду свадьбы, где требуется совсем

другая, повествовательно-драматическая манера. Там много лиц, голосов, действия. Староста Медведский, «подлиза немецкий», женится на девушке, выходящей за него, чтобы спасти от смерти старика отца. Свадьба обрывается партизанским выстрелом «в затылок иуде», то есть жениху, актом народной расправы с предателем. Здесь многое по молодости таланта наивно, начиная с фамилии Медведский, которая ни за чем больше не нужна здесь, как только для посредственной рифмы.

Но в этой главе хочется отметить, во-первых, то место, где произносится тост и стих непринужденно переходит в присловье здравицы:

— Пью
Я за жонку свою,
А вторую я пью
За удачу свою,
За честное застолье,
За богатое поле,
Чтоб гречка цвела,
Чтоб речка текла,
Чтоб хлеба над рекою
Вилися трубою!

А во-вторых, драматический момент, когда старик музыкант, отец девушки, выходящей ради него замуж, играет на этой свадьбе:

Тут по струнам скрипач,
Как потерянный, водит.
Не «Лявониha» — плач
У бедняги выходит.

В обеих выдержках, самих по себе ярких, примечательно еще вот что. В первом случае строчка «чтоб хлеба над рекою вилися трубою» является цитатой из знаменитой песни «Бывайте здоровы», существующей у нас в переводе того же М. Исаковского. Это довоенная народная белорусская песня советских лет. Слова ее написаны одним сельским учителем в первые годы строительства колхозной жизни и приобрели затем повсеместное распространение. В незатейливо-шуточной форме пожелания хозяевам от гостей, уезжающих с колхозной пирушки, в ней выражена большая любовь к родному краю, радость совместного и дружного труда на свободной земле, уверенность людей в своем будущем и многое другое, как это всегда бывает в хорошей песне.

Аркадия Кулешова русский читатель знал до войны по двум-трем книжечкам лирических стихов, но главным образом по его поэме «В зеленой дуброве». И поэма эта была написана, если можно так выразиться, по песне «Бывайте здоровы», органически развилась из нее и, подобно ей, славилась колхозный труд и достаток мирной сельской жизни. Тот же стих, тот же тон и содержание. Даже этот заповедь «Будьте здоровы, живите богато» «заверстан» в тексте поэмы.

«Лявониha» же — это национальная старинная плясовая белорусов. Ее затейливый, ухарски озорной и плавный и нежный, где надо, характер напева и самих слов хорошо выражает одну из важных сторон поэтической души народа, его духовного облика. Белорусы вообще народ глубоко поэтический. Почти каждый город и каждая река, протекающая по их земле, наделены осмысленным легендарным происхождением. Здесь можно было бы вспомнить замечательную сказку о реках-братьях Днепре и Соже, предание о возникновении города Могилева, положенное Янкой Купалой в основу его поэмы «Могила льва», или поверье о том, что реки созданы птицами, тонко и выгодно использованное Аркадием Кулешовым в лирическом стихотворении «Моя Беседа».

Связь этих мотивов заслуживает внимания не только потому, что, например, песни «Будьте здоровы» и «Лявониha» в любом напоминании в дни войны звучали утверждением национального духа захваченной, но непокоренной Белоруссии, были частью существенного содержания поэмы, ее впечатляющей эмоциональной силы. Дело еще в том, что связь этих мотивов указывает отчасти и на то, откуда и как взялся и развивается своеобразный и уверенный голос поэта.

Кулешову в «Знамени бригады» еще понадобятся слова пожелания мирной песни «Будьте здоровы», только они прозвучат не в устах подгулявших гостей при веселом разезде, а в устах воина, оставляющего родные края, дом, близких в глубоком тылу вражеских войск и уходящего в безвестность войны. Он уходит, послушный суровому и благородному долгу, с верой в победу правого дела, выраженной в надежде на возвращение:

Бывайте здоровы,
Назад меня ждите!

Центральными по своему содержанию в поэме могут быть названы главы о ночлеге у вдовы Лизаветы и о предательстве Никиты Ворчика.

Ночью Лизавета обходит всех троих ночлежников, устроенных порознь — в хате, в клети, в сарае. К трогательному гостеприимству простой деревенской женщины примешивается любовь и жалость и даже надежда на завидную долю, которая вдруг пригрезилась ей в это грозное и безнадежно неуютное время:

Села рядом со мной Лизавета,
— А зачем вам шататься по свету? —
Говорит она, тихо вздыхая...
Оставайся со мной честь по чести,
И пойдем мы с тобою вместе
По спокойной, ровной дорожке —
Ни войны тебе, ни бомбежки...

Люди большого долга отклоняют «сватовство» Лизаветы, хотя, оторванные от своих, лишенные достоверных сведений о положении на фронте, они, по существу, не могут опровергнуть ее слов о том, что немцы уже дошли, может быть, до Урала, — правду они узнают потом, когда удастся послушать партизанское радио.

Для тысяч и тысяч наших людей, остававшихся в окружении и вышедших из него, решение вопроса о том, продолжать ли идти в надежде где-то догнать фронт или оставаться, как тогда говорили, «в зятях» у какой-либо вдовы, или солдатки, или даже у собственной жены, — решение этого вопроса было экзаменом на воинскую, гражданскую и политическую зрелость. Вопрос этот решался людьми наедине со своей совестью. И то, что в подавляющем большинстве случаев он был решен так, как его решает герой кулешовской поэмы, было одним из самых несомненных свидетельств жизненной прочности советского строя, высокого морально-политического уровня наших людей.

В сущности, речь шла о сопротивлении или несопротивлении черным силам иноземного нашествия, о сопротивлении или попытке обрести «тишину и покой» путем примирения с неотвратимой будто бы действительностью фашистского ига.

Кулешову удалось в этой главе сказать очень много о том периоде войны, когда еще возможность самого выбора одного из двух разных путей была налицо. Достигнуто это простыми средствами правдивого слова о жизни, без умаления силы того, чему противостоит сознательное чувство долга. Образом искушения, тихо и вкрадчиво подбирающегося к уставшей в безрадостных скитаньях душе солдата «окруженца», предстает «добрая вдова» Лизавета:

Я и в хате была — не спится,
Я и в клеть зашла — не ложится,
И сюда вот пришла я, вдовица...
Дозволь примоститься.

Реалистическое чутье поэта помогло ему не остановиться на том, что все, к кому обращено искушение чарами «тишины и покоя», устояли против него. Порог родного дома, обманчивая сладость тихой семейной жизни в стороне от войны влекут Никиту Ворчика, когда он со своими спутниками идет по земле отцовских мест. Ночью Ворчик, спавший с Алесем под одной ватной курткой, в которой было зашито знамя, покидает товарищей, оставив Алесю раскрытым. Приходит час самого тяжкого из испытаний на пути героев поэмы. Пропало знамя, которое они несли с надеждой увидеть под ним ряды возрожденной бригады, знамя, спасение которого было целью их скитаний. В самые горькие, трудные минуты пути их поддерживало наличие при них воинской святыни, ради сохранения которой стоило переносить лишения, любые трудности и опасности, даже унижение переодевания — потерю воинской внешности. Приходит догадка о том, что Ворчик поддался искушению «тишины и покоя» отчего дома. Но зачем он унес куртку, в которой зашито знамя?

Автор позволяет читателю последовательно предположить, что Ворчик не захотел делить с товарищами заслугу спасения знамени и решил один перейти фронт; что он просто «жить пожелал, как живет Лизавета»; что, наконец, он задумал у немцев купить себе «тишину и покой» выдачей бригадного знамени. Алесь Рыбка с комиссаром застают Ворчика в отцовском доме в страшном потрясении горем: его жена, понуждаемая гитлеровцами к позору, удавилась, оставив мужу записку с просьбой отомстить за нее. Всей этой сложной, сгущенной трагичности достало бы на целую повесть. Кажется, что и выхода из нее нет. Ворчик отвечает товарищам, что он ушел ночью и захватил куртку просто так, полагая, что они и без нее обойдутся, просто забыв о знамени, зашитом в ней, иными словами:

Он забыл — понимаем без слов —
Все на свете:
Кровь товарищей, славу бойцов,
Что клялись перед знаменем этим...

Он забыл это, и с ним кончено, он не может рассчитывать и на участие товарищей в постигшем его семейном горе. Он и горя этого недостойн, оно не его, это святое, высокое горе, а тех, кто был честен в исполнении долга, кто способен был до конца отдать кровь и жизнь делу священной борьбы.

И сказал комиссар: — Пошли! —
Старики вслед нам молча глядели.
Мы им правду сказать не могли,
Огорчать не хотели.
Пусть не знают вовек
О позоре их сына,
Пусть решат, что пошел человек
Отомстить за них, За Марину,
И за дом родной, и за сад,
И за груши, и за малину.
Пусть с наградой назад
Ожидают старые сына.
Им и сын ничего не сказал,
Покидая родимую хату.
Ничего он в дорогу не взял,

Только взял под навесом лопату.

Может быть, только временем и особыми условиями написания поэмы можно объяснить, что к этим окончательным по силе выражения строчкам Кулешов добавляет еще несколько излишне разъяснительных строк о гуманности сурового приговора изменнику. Автор, к сожалению, не в одном этом случае несколько ослабляет «ударность» своих поэтических удач ненужными добавлениями либо преувеличениями и детализацией. Но важно, что и здесь, на этой картине исполнения приговора чести, он не обрубает концов темы. Он сообщает ей новый оттенок, заставляя Алеся Рыбку, подобно Ворчику, пойти мимо родного дома, изведать в пути на себе самом острый, хотя, в сущности, иной, соблазн близости семьи, всего дорогого сердцу. Ему до страшной боли хочется зайти к своим, обнять их, проститься, может быть, навсегда, ибо он знает, что впереди еще долгая, полная трудов и опасностей дорога войны. Но он удерживается. «Что ж, зайду, — рассуждает он, — на радость, что ли? Принесу жене и детям свою муку, свои слезы — зачем? Их и без того довольно». И его решение достойно большой и любящей души, лишаящей себя обманчивого счастья такой встречи во имя счастья подлинного, хотя до него не близко.

Нет, не этак приду я в свой дом, —
В новой каске приду, со штыком,
Не скитальцем и не бедняком, —
А войду я хозяином в дом...
Будет время ребячьих утех,
Будет смех, — я принес им смех;
Будут слезы, — я детям принес
Каску, полную радостных слез...

А покамест он посылает дорогим и близким свою любовь, свою боль и надежду:

Бывайте здоровы,
Назад меня ждите!

Два слова о заключительной главе поэмы.

Герои проходят линию фронта, вступают на свободную советскую землю, вынося знамя бригады.

Перед нами Родина снова!
И сказать не могу я ни слова,
Лишь губами к земле приник
И целую ее молчаливо...

Это ощущение родной земли, выраженное так немногословно, истово и вместе с тем застенчиво, особо дорого еще потому, что речь идет о Большой Родине, о всей советской земле.

Подобно цимбалисту, которому в поэме посвящена вставная песнь-легенда, поэт, проделавший в личной судьбе весь горестный путь отступления от западной границы до предместий Москвы, не забыл ни о чем дорогом и единственном:

И весь край белорусский родной,
Все, что пело, росло и цвело в нем,
Захватил он в дорогу с собой, —
Все вмести в своем сердце сыновнем.

Эту сыновнюю любовь, давшую поэту силы пропеть свою горькую и мужественную песню расставанья и надежды на возвращение, мы видим не в отрыве от священного чувства любви ко всей советской земле.

На долю белорусского народа во все времена выпадало первым встречать непрошенных пришельцев с запада, первым терпеть бедствия и муки от вторжения чужеземных войск. Избавление всегда приходило с востока, будь то в дни этой войны, или в недавнее время войны с интервентами, или в самом начале прошлого века, в Отечественную войну 1812 года.

И белорусский народ хорошо знал это. Борьба белорусов — в партизанских ли отрядах, в рядах ли частей и соединений Красной Армии — против немецких оккупантов составит гордые и поучительные страницы истории этого народа. Развившийся в горькой нужде, среди суровой природы и наконец начавший жить по-человечески, этот народ в Великой Отечественной войне оценил самой высокой и благородной ценой все, что ему дала Советская власть: стал сражаться за нее, за свое право идти вперед по пути, избранному бесповоротно.

Обо всем этом в той мере, какая дана поэзии, говорит поэма белоруса Аркадия Кулешова.

Большая существенность, историческая значительность содержания в сочетании с богатством самостоятельных и органически национальных средств формы дают право назвать это произведение Кулешова народной поэмой.

Эта удача пришла к нему потому, что и собственной личной судьбой, и мотивами своего довоенного творчества он был связан с судьбой и душой своего народа в самом характерном их выражении. Следуя своим старшим землякам-поэтам — Янке Купале и Якубу Коласу, Аркадий Кулешов сумел поэтическим слухом уловить новые звуки народной песни, пришедшие с новым временем, и сочетать их с литературной формой, опирающейся на достижения не только родной белорусской поэзии...

Нет сомнения, что тот же материал, те же тематические данные послужат в будущем созданию более совершенных произведений о великой поре нашей борьбы против немецко-фашистского нашествия.

Но неповторимая свежесть впервые сказанного об этой борьбе подлинно поэтического слова не отнимется у лучших произведений, написанных в годы самой борьбы. Поэма Кулешова безусловно принадлежит к этому ряду произведений.

1946

ЗРЕЛОСТЬ ТАЛАНТА

Аркадий Кулешов из того поколения белорусских поэтов, которое выступило еще при жизни Янки Купалы и Якуба Коласа. Много лет назад он написал небольшое стихотворение «Моя Бёсесь». Название этой безвестной речки Бесесь, протекающей где-то на Гомельщине, нет-нет и мелькает с тех пор в стихах Кулешова, всякий раз как бы напоминая первоначальный деревенский адрес его поэзии, которая между тем выходила на всё более обширные территории. В ее активе еще до войны была уже поэма «В зеленой дуброве», написанная стихом популярнейшей белорусской песни тех лет, звучавшей в русском переводе по всему Союзу: «Будьте здоровы, живите богато...»

И хотя в поэме, как и в этой песне, отразилась одна только сторона довоенной колхозной жизни — праздничная, — ее живой народный песенный лад и склад речи, живописность картин родной природы, меткость деталей сельской жизни в ее обновленном обличье и теперь еще способны вызывать дружелюбное внимание читателя, чего не скажешь о многих и многих стихотворных произведениях такой давности.

Грянула война, с первого часа обрушившая на Белоруссию свой жестокий удар, и у поэта, оторванного от родной земли и прошедшего в рядах армии горький путь отступления, еще в ходе войны нашлись иные, полные скорбного и мужественного трагизма слова о суровой судьбе родного края и всей

советской земли, о доблести ее сынов, о тех испытаниях духа, которые не каждому дано было пройти с честью.

Поэма «Знамя бригады», написанная в 1942 году и вскоре в переводе М. Исаковского ставшая достоянием русских читателей, явилась общепризнанным достижением советской поэзии военных лет, ничуть не утратившим своего значения и поныне. Об этой поэме много писали, но это из тех поэтических созданий, у которых в запасе такая емкость содержания и такая, не вся на поверхности расположенная, сила выражения, какие не раз еще привлекут внимание ценителей и истолкователей.

Аркадий Кулешов неразрывно связан с белорусской поэтической традицией, хорошо знает ее основу — богатейший фольклор, но он жадно притягивает и к другим животворным источникам. В молодости он много и увлеченно переводит Пушкина, Лермонтова, Шевченко. Вряд ли нынешний интеллигентный белорус, захотев перечитать «Евгения Онегина», обратится к переводу Кулешова, — он возьмет самого Пушкина, но в свое время эта работа имела большое культурное значение. А какая это была школа для молодого поэта, какие неожиданные открытия делает он в своих стихах под непосредственным воздействием этих могучих влияний! Достаточно указать на столь своеобразную ритмику «Знамени бригады», которой он, по собственному признанию, обязан Лермонтову. Не бесследным был для Кулешова и опыт русской советской поэзии.

«Знаменем бригады» талант поэта прочно заявил о своих возможностях в сюжетном лирико-эпическом жанре. Вслед за этой поэмой Кулешов наряду со сборниками стихотворений публикует несколько поэм, посвященных послевоенной тематике. Наиболее значительные из них «Новое русло», «Только вперед», «Грозная пуща». Все шире диапазон содержания поэзии Кулешова, давно вышедшей за пределы локальной сельской темы, все увереннее стих, разнообразнее ритмические решения. Он не останавливается на достигнутом однажды, снова и снова с большей или меньшей удачей отрывается от самого себя вчерашнего, чтобы стать сегодняшним и завтрашним. Далеко позади, в отступившей давно за черту поэтической юности остается его неприметная деревенская речка Беседь, которой он дал имя в литературе.

Конечно, автор ведет один счет своим писаниям: для него, как для родителя, и незадачливые дети, за редкими исключениями, остаются родными и дорогими. Другой счет им ведут критика и история литературы, помечают своими знаками подъемы и спуски. Но есть еще третий счет писаниям всякого подлинно талантливого автора — это счет, который ведет само время, счет наиболее строгий, выборочный и привередливый. Но зато уж самый верный и неподкупный. И если на этом счету за четверть века — а это целая поэтическая жизнь — удержались пусть не все, пусть только главнейшие и безусловные по удаче творения, это уже немалое дело, счастливая судьба поэта.

Новая книга лирических стихов Аркадия Кулешова появилась в 1964 году после некоторой паузы в неизменно продуктивной работе поэта. Можно было отнести это за счет перенесенной им длительной болезни, можно было считать и просто временной заминкой, какие почти неизбежны у серьезного писателя, тем более в эпоху, которая на каждом своем крутом повороте обязывает сознание художника освоить этот поворот во всей глубине.

Но какая же это радость, раскрыв новую книгу поэта, которого издавна знаешь и любишь, увидеть сразу, что пауза или заминка были лишь предвестием нового и сильного рывка вперед и уверенного подъема его поэзии.

Есть у поэта свой надел целинный
Среди еще не вспаханных полей,
Где, борозды вздымая, гнет он спину
От первых дней и до последних дней.
Есть сердце, что в пути не охладело,
Оно словам дает тепло и свет.
Нет без него заветного надела,

Нет зрелых мыслей. Да и жизни нет.

Не всегда вровень со зрелостью возрастной идет зрелость творческая, и, когда они смыкаются, — лучшего нельзя пожелать поэту. И вовсе не беда, что эта творческая зрелость идет как бы в нарушение жанровой иерархии, явившись в данном случае в виде книги лирических стихов, а не новой поэмы. Бывает и так, бывает и этак. По цельности мысли, органичности тона и отчетливой завершенности тематического круга эта книга далеко оставляет позади иные поэмы того же автора. А эта свободно текущая лирическая речь — как бы раздумье вслух, — как она экономна в словах, классически подтянута, дисциплинирована без напряженности, строга без сухости и прозрачна, хоть и достаточно сложна.

Некоторые из поэм Кулешова несли на себе один из простительных грехов поэтической молодости — длинноты, нерасчет в объеме отдельных частей, и более тяжкий грех — прозаизмы, отягчающие стих не свойственной ему нагрузкой. Последнее более всего относится к поэме «Грозная пуша», где прозаическая распространенность и детализация повествования — сами по себе даже интересные и выразительные — часто вступали в явные противоречия с возможностями стиха, который предназначен, по Гете, «сообщать предметам мощь и крутизну».

«Новая книга» Аркадия Кулешова решительно свободна от этих изъянов, она образец полного владения годами выработавшейся поэтом формы. Но не одно это позволяет назвать «Новую книгу» книгой настоящей зрелости самобытного и яркого таланта. Обширность идейного горизонта, освоение необычных для прежнего Кулешова вечных (это слово почему-то принято заключать в кавычки), общечеловеческого значения тем: жизни и смерти, любви и творчества, судьбы и долга поэта, прошлого и настоящего, настоящего и неизмеримых далей коммунистического будущего — вот что главным образом обозначает новый этап в поэзии Кулешова — одной из вершин советской поэзии в целом. Каким, например, естественным, непринужденным образом входит в круг его лирических размышлений, становится предметом поэзии такая новизна, как современные представления о вселенной, ставшие значительной частью нашего мироощущения в годы великих успехов в изучении космоса. Несчетное множество стихов посвящено этой вновь открытой теме, но, когда к ней обращается поэт, не отделяющий ее от других, в равной мере волнующих его тем, мы видим образцы истинного поэтического ее освоения.

Когда в полет, как мирные снаряды,
Отправятся большие корабли,
Мы, люди, будем размышлять: а надо ль
Искать иные земли для Земли?
И нужно ль, совершая круг прощальный,
На нас взирать пилотам с вышины,
Как будто фильм смотреть документальный,
В печальный миг, уже со стороны?
Пусть им, по неизвестной нам причине,
Вернуться не дано на космодром,
Объятым сном космическим в кабине
Иль где-то отыскавшим новый дом.
Но подтвердят полетов безупречность
Наш век двадцатый и грядущий век,
И будет фильм Земли смотреть не вечность
Глазами звезд своих, а человек.

И вот что еще особо примечательно в «Новой книге». Здесь нет никаких словесных, фразеологических эквивалентов понятия «культ личности», нет номинально этой темы, мотивов, успевших во многих нынешних стихах уже стать общим местом. А между тем вся эта свобода лирического изъяснения, эта

несдавленность тона, смелость неожиданного сближения строгой мысли и простой сердечности — их не отнесешь к иному, чем наши дни, периоду — они принадлежат нынешнему времени и порождены им.

Далеко по жизненному опыту, по мастерству и идейной зрелости ушел Аркадий Кулешов от того поэта, который, может быть, с чуточку нарочитой скромностью когда-то готов был обойтись без Волги и Камы одной только этой родной и милой Беседью. Но раскрываем книгу на одной из страниц, где помещены стихи, посвященные возвращению автора из поездки в Америку:

Опять стою, объятый чувством странным,
Гляжу на след, бурлящий за кормой,
Как будто я плыву не океаном,
А Беседью — желанною рекой.
По Беседи плыву! Как мальчугану,
Судьба решила мне ее послать.
Река родная за руку, как мать,
Ведет меня домой по океану.

Многозначительно и трогательно это вдруг возникающее видение далекой родной реки, протянувшейся бороздой через океан и ведущей к берегам великой Советской родины. Нет, малая родина поэта не покидает его и не покинута им — она кровная часть Большой Родины, с которой мы неразлучны в самых далеких странствиях по Земле и даже за ее пределами — в пустынном космосе.

Я не ставил себе задачей предупредить читателя относительно всего того, что он найдет в «Новой книге» Аркадия Кулешова, но беру на себя смелость сказать, что если он раскроет ее на любой странице, то вряд ли удержится, чтобы вслед за одним стихотворением не прочесть второе и третье, а то и всю подряд книгу.

<http://www.wysotsky.com/0009/329.htm>